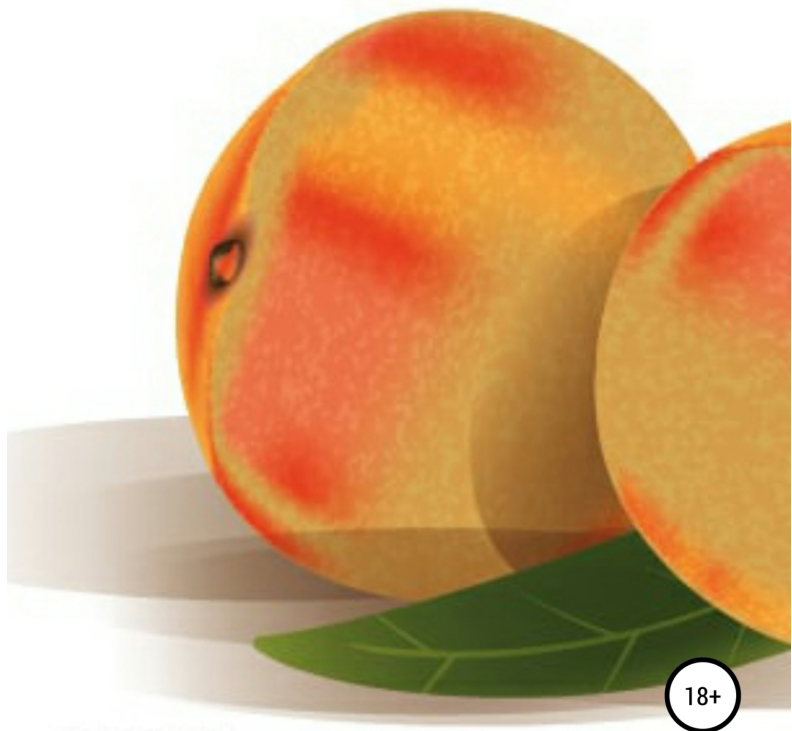

Прекрасная Ребекка

е. гликен

18+

Екатерина Константиновна Гликен Прекрасная Ребекка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66473646

SelfPub; 2023

Аннотация

Женщина создана для любви! Об этом написаны романы и стихи, этому посвящены рассказы и картины. Все это придумали и написали мужчины. А как насчет узнать у женщин, хватает ли им этой самой любви?

Екатерина Гликен

Прекрасная Ребекка

Она лежала, глядя в потолок. В углу копошился большой рыжий паук. Бесмысленный и одинокий.

Казалось, будто она отдыхает, уставившись бесмысленным взглядом в одну точку.

Мы зашли вместе со старшими женщинами вслед за толстым с шумной одышкой полицейским. Она лежала на диване, глядя в потолок. словно только что устроилась отдохнуть. В углу над ней копошился паук, сбоку, рядом с ней, на тумбе лежали лекарства, самые обычные: анальгин и какие-то витамины.

Тяжело дышащий полицейский усмехнулся, перебирая таблетки.

– Жить долго собиралась, – сообщил он словно самому себе.

Стало неудобно, мы стояли, как грабители в чужом доме, лезли жирными потными руками мента во все ящики и шкафы соседки. Она лежала тут же, при нас, полураздетая, с открытыми глазами, словно не замечая никого.

Она единственная в тот момент казалась настоящей, мы, все мы, старшие женщины, ватага школьниц, человек в форме представлялись мне чем-то вроде муравьев, ползающих по квартире в поисках сахара.

Ольги не было видно пару дней. Никто сильно не беспокоился. Рядовое дело, тем более по секретным женским каналами разнеслась шепотом по околотку весть, что она давно собрала чемоданы и вот-вот уедет куда-то: то ли в соседний двор, то ли в область...

– Давно пора, – рассуждала мама за чаем с соседкой. – Давно надо было его бросить, что ни вечер: мат-перемат, – она девка молодая, ей детей рожать надо. А с этим толку у нее не будет.

Соседка важно швыркала горячим чаем и кивала:

– Да, только как вот она другого найдет? С этим-то сколько лет вместе, она уж другого обращения и не поймет. Если к ней мужик по-хорошему относиться станет, она ж не поймет, ей теперь в диковинку по-человечески-то...

– Да, – вздыхала мама. – Да и он-то без нее не может, искать станет. С ним же ни одна нормальная баба жить не сможет. Ну, подержится он неделю, другую, да все равно природа свое возьмет: орать да бить станет. Он же как ее унижал, а она терпела все. Дура! Ведь вот помнишь, она год назад от него уходила, так Витька привел какую-то, хорошенькую. А через неделю с первой пьянки та хорошенькая от него бегом бежала. Он тогда снова Ольгу вернул.

– А она глупая радовалась, мол, вот, какая любовь. Тьфу ты! Какая там любовь, ему с ней удобно было: бьет, материт, из дома выгоняет, а она все терпит, всегда рядом «Витя-Витя»...

Девчонки судачили за углом по-другому. Нам казалась какой-то неземной, грешной и великой одновременно история их любви. Он ревновал ее так сильно, что даже бил. Такие страсти! Уму непостижимо!

– Вот это любо-о-овь, – завистливо вздыхала Нинка.

Она была красивой, давно уже красилась, и мальчишки гонялись за ней даже со старших классов. Но что были эти юнцы для Нинки?! Она хотела нездешней любви, из романов, где обязательно насмерть, обязательно со слезами, ссорами и мстью соперниц. Разве могли эти мальчишки из параллельного класса предложить ей хоть что-то похожее на ее мечты?

Все они были хорошими до тошноты. Поцелуй Нинка хоть одного из них в лоб – он бы тут же на ней женился, и не потому, что она настолько хороша, но потому, что понимание чести и долга у юношей были еще сильны.

Мы, в свою очередь, вздыхали, глядя с завистью на Нинку. У нее еще был шанс на любовь в ритме танго, мы же были серыми мышками, максимум, что нас ожидало, это переезд в другой город со скучными ребятами.

Сейчас я вспоминаю наши рассуждения и думаю: хорошо, что наша заурядная внешность уберегла нас от испанских страстей. Сейчас я благодарна за каждый серый день со скучным мальчишкой из соседнего района, честным и порядочным. Хотя до сих пор чувствую уколы ревности, вспоминая, что и мой порядочный заглядывался на красавицу-Нин-

ку.

А тогда?! Тогда я читала Вальтера Скотта и упивалась историей про прекрасную Ребекку, которая готова была убить себя, нежели подчиниться мужчине, и про прекрасного рыцаря, влюбленного в независимую и гордую девушку. До слез я рыдала, хотела так же смело решать свою судьбу, так же не думать о том, как оценит мое поведение мужчина, и чтобы обязательно в последнюю минуту меня спас кто-то благородный и красивый. «Прекрасная Ребекка, стань моей женой!»

Сейчас я понимаю, что благородный и тот, кто лазает по горам с дамами, – это разные люди. Благородные – сидят дома на диванах, помогая маме, сестре, заботясь о старших, выгуливают собак, хорошо учатся. А те, кто «Прекрасная Ребекка» – это забияки, драчуны и часто не потому, что честь их затронута, а потому, что сами они затронули чью-то честь, в силу уверенности, что мнение их очень важно и полезно всем, даже, если о нем никто не спрашивал.

А тогда девичий разум спокойно совмещал двух человек в одном, и все мы искали наглого, дерущегося везде и всегда принца, подчиняющего себе женщин одним взглядом, но при этом чтущего их независимость, восхищающегося женскими рассуждениями, любящего и ревнующего, бьющего дам интеллигента.

Ольга умерла. Витька сел.

Мама на кухне вздыхала с соседкой. Удивительным было то, что взрослые женщины осуждали даже не Витьку, осуж-

дали ее. Осуждали жертву этой страстной любви, красавицу, осуждали не его, а ее, свою соплеменницу, такую же, как они.

«Что это? Зависть?» – думала я.

Допустить, что мама ей завидует, я не могла. То есть то, что соседка осуждает Ольгу из зависти, представить было не сложно, но мама?..

– Давно надо было уходить! – настаивала соседка. – Сама виновата!

– Я ей давно говорила, – вторила мама. – А она, мол, люблю, жить без него не могу. Да какая уж тут любовь-то? Ну, раз побил, два побил, но дальше-то зачем было терпеть?

– А, может, она сама? Знаешь, бабы ведь такие бывают, что хлебом не корми, дай мужику нервы помотать. Как это самое на драку. Видать, не зря бил, значит, заслуживала.

– Да что ты такое говоришь? – возмущалась мама. – Если даже и заслуживала, разве можно бить живого человека, да тем более слабее себя?

– Ну, а что? – парировала соседка. – Коли просит! Меня вот муж не бьет. Я к нему не лезу, не прошу...

– Да просто человек хороший, поэтому и не бьет...

– Не скажи, тут не в мужчине дело, я знаю, как себя вести и все дела, а та, видать, просила очень...

Слушать эти глупости было невозможно.

«Насколько могли от бытовой повседневной жизни отупить эти женщины, что даже и мысли не смели допускать о любви. Ведь очевидно, что убил он ее из-за любви!» – воз-

мушалось мое девичье сердце.

– Мама говорит – Ольга сама виновата, доводила Витьку, вот он ей и дал! – сообщила утром в школе Наташа.

– Да, и моя тоже так говорит, – подтвердила Ленка.

– Да вы что? – вмешалась Сонечка. – Если муж бьет жену, значит она его доводила? А тот маньяк, который девчонку насилует, тоже не при чем? Его девчонки довели? Или воров? Их тоже заставили те, кто деньги зарабатывает?

Сонечка говорила редко, но всегда как-то так, что с ней никто не спорил. Пожалуй, она была самой некрасивой из нас. Даже не то, чтобы некрасивой. Она был обычной. Но все мы старались как-то повзрослеть: кто-то красился, кто-то подстригал челку... А Сонечка заплетала две косы, умывалась, чистила зубы и на этом – всё. Казалось, ее совсем не интересовало внимание мальчишек и мужчин. Было даже так однажды, что она оскорбилась таким вниманием.

Нас было трое. Мы вышли на вечернюю прогулку по району. В город пришла весна, машины ездили по улицам, а из их окон выливалась на прохожих музыка и разные напевы. Одна машина снизила скорость, проезжая мимо нас, стекла поехали вниз, изнутри высунулась голова в темных очках и причмокнула. Каждая из нас, кроме Сонечки, соорудили козью морду вслед уезжающей машине. Но, как только та скрылась из виду, начали бурное довольное обсуждение наглых парней. А вот Сонечка... Сонечка выслушала нас и сказала: «Вы что? Куски мяса? Вас, как на базаре, выбирают, а вы и

рады?»

Мы замолчали. Никто не спорил с Сонечкой. Она была словно из другой Вселенной.

– Он бил ее из любви, – веско заявила Нинка. – Ольга была очень красивой. А он ее к каждому столбу ревновал. Ревнивцу не надо повода. Он ко всему ревнует.

Я молчала вовсе. Мне казалось, все они сошли с ума, ведь никто из них не говорил о любви. Какие-то ревнивцы, выяснения, кто виноват. Разве важно, кто именно виноват? Дело совсем в другом: в этом странном дурацком мире нет места влюбленным. Никто здесь не верит в любовь. Все рассуждают о ревнивцах и о том, что нужно было вовремя уйти, что нужно не злить.

Кажется, жизнь для женщины – это искусство не выводить из себя мужчин, чтобы не заработать оплеуху. При этом надо изловчиться и не быть слишком красивой, чтобы опять же не заставить мужчину ревновать и не заслужить оплеуху. Надо стать и не очень некрасивой, чтобы не позорить мужчину перед друзьями и опять же не заслужить оплеуху. Необходимо научиться перестать любить и уходить от любимого человека, чтобы не заслужить оплеуху. Нужно жить так, чтобы не заслужить оплеуху!

А раз дошло до того, что женщина была настолько неловкой, что наткнулась на кулак, нужно скрыть это. Потому что рассказать такое – значит признаться в том, что она плохая женщина, плохая жена, не умеет себя вести. Первые, кто осу-

дят, – это женщины, которые умеют себя вести так, чтобы не заслужить оплеуху.

Я умею. Хотя, признаться, мне кажется, что мне просто повезло с мужем, который не позволяет себе бить женщин. Я до сих пор мечтаю о любви, степень кандидата наук этому не помеха. И я, и мои везучие подруги обожаем мелодрамы про всевозможных прекрасных Ребекк. Глядя кино, мы проживаем нашу неслучившуюся любовь: каждое признание из фильма – это признание нам, каждая смерть от ревности – это наша смерть, каждый страстный поцелуй – наш поцелуй. Это мы – та самая Ребекка на полтора часа.

Только благодаря мелодрамам мы находим силы возвращаться к нашей прекрасной удачливой жизни, в которой повезло не получать оплеухи, в которой мы стали сильными и независимыми, работающими и зарабатывающими, принимающими самостоятельные решения... кошечками, умеющими не получать оплеухи. Мы никогда не рискнем потребовать от наших мужей признать нас женщинами, умными и самостоятельными, смелыми и удивительными, способными существовать независимо, а не только за мужем. Мы и сами себе никогда не признаемся в этом.

Страстную любовь в жизни повезло встретить только Нинке. Она смогла попробовать реализовать право распоряжаться своей жизнью без оглядки на мужчин. Правда, длилось это недолго. Нинка смогла вовремя уйти. Живет одна. Растит ребенка. Все такая же красивая. Подруги и зна-

комые спрашивают ее, почему она не выйдет замуж второй раз. Многие завидуют Нинке, ведь она в жизни так сильно любила, что остается верна первому мужу, не меняет его ни на кого.

Нинка смеется. Я знаю, что она боится встретить такое же чудовище, от которого ушла. Знаю об этом только я, потому что не считаю Нинку плохой из-за оплеух. И еще Сонечка, потому что она из другой Вселенной. Остальные уверены, что первый Нинкин муж – мечта любой женщины, а сама Нинка дура, раз упустила такое счастье.